

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В РОССИИ 1868—1869 ГОДОВ

На рубеже 60-х — 70-х годов XIX в. значительного размаха и силы достигло в России движение учащейся молодежи. В это время в стране было более 40 высших учебных заведений, в том числе 8 университетов (Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Новороссийский, Киевский, Дерптский и Варшавский). По данным министерства народного просвещения, в университетах было к 1 января 1869 г. 5566 студентов и 419 вольнослушателей, а к 1 января следующего года соответственно 6238 и 523 человека¹.

С начала 60-х годов XIX в. передовая часть студенчества выступала не только против казенных методов обучения, но и против полицейского произвола в стране. Неподчинение студентов распоряжениям начальства, прямое вмешательство их в университетские дела и особенно массовые протесты против введенных в вузах порядков — все это вызывало серьезную тревогу правящих кругов. Правительство было напугано также увеличением демократической прослойки в университетах, которое происходило главным образом за счет вольнослушателей. В связи с этим 26 мая 1867 г. были выработаны «Правила о надзоре за студентами вне стен университета и воспитанниками высших учебных заведений разных ведомств», в соответствии с которыми полиция начинает грубо вмешиваться во внутреннюю жизнь университетов. Так как правила 1867 г. распространялись на все высшие учебные заведения, то создавались *entente cordiale* между жандармерией и инспекцией высших учебных заведений. Говоря словами В. И. Ленина, «вечная в самодержавной России борьба с студенческими организациями»² была основой этого контакта.

В 1868—1869 гг. оживляется революционно-демократическое движение в стране,

усиливается идейная борьба среди молодежи по вопросам агитационной и организационной деятельности в народе. Поиски путей сближения с народом являлись одним из главных направлений демократического движения на рубеже 60-х — 70-х годов XIX века³. В результате неурожая 1867 г. и лесных пожаров весной 1868 г. в стране начался голод. А. И. Герцен в мае 1869 г. писал: «Изголодавшиеся села с тревожным возбуждением ожидают 1870 года — срока выкупа»⁴. Таким образом, можно считать, что на рубеже 60-х—70-х годов XIX в. почва для студенческого движения была подготовлена не только состоянием высшего образования, но и сложившимися в стране социально-экономическими условиями.

Во всеподданнейшем отчете III отделения (конец 1868 г.) говорилось о «горячке сходок» в конце 1868 года. В это время раздался нечаевский призыв оставить учебные заведения и идти в народ. «Пусть отныне задачей студента,— говорилось в нечаевской прокламации к студентам Петербургского университета, Медико-хирургической академии и Технологического института,—

³ В. И. Орлов. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М. 1934; Б. П. Козьмин. С. Г. Нецаев и его противники в 1868—1869 гг. «Революционное движение 1860-х годов». Сборник статей. М. 1932; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М. 1958; Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М. 1965.

⁴ «Новое о Герцене». «Литературная газета», 30.I.1974. «Неурожай, голод и лесные пожары во всей своей страшной величине,— отмечали «Отечественные записки»,— обнаружались зимой и весной 1868 г.». Тиф, чахотка и другие болезни, являющиеся следствием истощения сил, «делают обильную жатву среди этих бедняков» (студентов.— П. Т.),— говорилось в обозрениях III отделения о студенческом движении (см. «Революционное и студенческое движение 1869 г. в оценке III отделения». «Каторга и ссылка», 1924, № 3, стр. 114.)

¹ «Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1869 г.». СПб. 1871, стр. 133.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 214.

не будет диплом, не будет казенное теплое место, а жизнь среди народа и борьба за его интерес»⁵. В этом смысле С. Г. Нечаев солидаризировался с М. А. Бакуниним, который писал: «Путь освобождения народа посредством науки для нас загражден, нам остается только один путь — путь революции»⁶. Осенью 1868 г. Нечаев впервые появился на собрании студенческого кружка у его руководителя З. Ралли, где говорил о необходимости объединения всех студентов и создания кружка с политическими целями⁷.

О роли Нечаева в студенческом движении современники высказывались противоречиво, что в значительной мере объяснялось отношением к его тактике. Так, по свидетельству бывшего в то время студентом Медико-хирургической академии С. Чудновского, все студенческое движение направлялось в это время Нечаевым, лично появлявшимся лишь на малочисленных собраниях. «Воля его чувствовалась всеми», — заявляла и В. И. Засулич. Но вместе с тем она подчеркивала, что, «несмотря на всю свою революционную энергию, Нечаевы не усилили бы революционных элементов среди нашей интеллигентской молодежи...». Его система не убеждать, а спланировать «и обманом толкать на дело, вела к бесследной гибели «большинства»⁸.

Исследуя участие Нечаева в студенческом движении, Б. П. Козьмин еще в начале 1930-х годов писал, что до отъезда из Петербурга в конце января 1869 г. он выступал в роли вождя наиболее крайне настроенной части студенчества. Однако тот же исследователь считал извращением исторической действительности приписывать Нечаеву инициативу студенческого движения. Движение началось до появления Нечаева и независимо от него. Он, по мнению Козьмина, стремился придать студенческому движению политический характер, рассматривая борьбу за студенческие нужды как первый шаг к социальной революции⁹. Но в одной из последних своих работ Б. П. Козьмин отмечал, что нечаевская агитация влияла на студентов, присланные им

прокламации из-за границы распространялись по всем университетским городам¹⁰. С этим выводом согласуется целенаправленность студенческих волнений и результативность посылаемых Нечаевым прокламаций и воззваний.

В конце 1868 г. на многочисленных и оживленных студенческих сходках в Петербурге читали «Колокол», «Народное дело» № 1, «Исторические письма», произведения французских социалистов-утопистов¹¹. Однако среди присутствовавших на сходках преобладали сторонники умеренного направления, которые добивались сохранения и расширения прав студенческих организаций и отмены платы за лекции. Именно здесь определялась линия дальнейшего развития движения и неизбежность политического расслоения студенчества.

В материалах III отделения говорилось, что на сходках студенты разделились на две партии. Одна считала, что создание кружков даст возможность обсуждать студенческие вопросы, так как правительство не согласится на открытые сходки, а существованию кружков, о которых оно не будет знать, не сможет воспрепятствовать. Представители этой либеральной «партии» стояли за частичные улучшения в учебных заведениях (участие студенческих выборов при распределении пособий нуждающимся, устройство столовых)¹². Другая «партия», возглавляемая Ралли, решительно отвергла «кружкование» и предлагала добиваться не только устройства кассы взаимопомощи, распределения пособий товарищами, устройства студенческих столовых, но и права сходок, а главное — свободного доступа в высшие учебные заведения. В случае отказа она предлагала выжидать, пока потребность в этих правах станет требованием «всего студенческого сословия в империи»¹³. Несмотря на эти различия, обе «партии», по свидетельству Ралли, в одинаковой мере были заинтересованы в усилении студенческого движения, и потому во все университетские города были посланы представители от петербургских сту-

⁵ С. Г. Сватиков. Студенческое движение 1869 г. (Бакунин и Нечаев). «Исторический сборник». СПб, 1907, стр. 230.

⁶ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 172.

⁷ З. Ралли. С. Г. Нечаев. «Былое», 1906, № 7, стр. 139.

⁸ С. Чудновский. Из давних лет. М. 1934, стр. 13; В. Засулич. Воспоминания. М. 1931, стр. 22, 57.

⁹ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 171.

¹⁰ «Вопросы истории» № 12.

¹⁰ Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М. 1957, стр. 152. В настоящее время о Нечаеве и «нечаевщине» накопился значительная литература, которая требует специального рассмотрения.

¹¹ В. Засулич. Указ. соч., стр. 20.

¹² Л. П. Никифоров. Мои тюрьмы. «Голос минувшего», 1914, № 5—6, стр. 170.

¹³ С. Чудновский. Указ. соч., стр. 15.

дентов для установления постоянных связей с местной молодежью¹⁴.

В марте 1869 г. произошли первые крупные выступления студентов. Петербургское студенчество переживало тогда «крайне напряженно-нервное состояние, оно волновалось, кипело, горело»¹⁵. Волнения возникли в одном из старейших учебных заведений страны — Медико-хирургической академии, превратившейся впоследствии «в центр политической агитации»¹⁶. Новый инспектор академии полковник Смирнов, решивший поднять в этом учебном заведении дисциплину, исключил студентов Василевского и Надуткина. Это вызвало бурные сходки, первая из них произошла 6 марта 1869 года. Число студентов, собравшихся на каждой из четырех сходок, по официальным данным, колебалось от 150 до 200 человек, что составляло 14—19% всех учащихся академии. Усилия инспекторов предотвратить сходки были безуспешны. Тогда 46 наиболее активных участников «прискорбных беспорядков» были арестованы, двое из них (Васильев и Ралли) исключены из академии¹⁷. 15 марта последовало закрытие академии.

Волнения в академии всколыхнули все петербургское студенчество. О них заговорили также во всех высших учебных заведениях России. Сразу же после закрытия академии студенты ее вывесили в Петербургском университете воззвания поддерживать их в борьбе, принять участие в общем студенческом деле¹⁸.

«Студенты, пораженные закрытием академии и арестами медиков, все слились вместе», — показывал глава умеренной части студенчества С. В. Езерский. На сходке 20 марта студенты Петербургского университета обратились к ректору с просьбой разрешить сходки в здании университета, создать собственную кассу и библиотеку,

признать выборных депутатов от отдельных курсов, уничтожить стеснительную и оскорбительную опеку университетского начальства¹⁹. В ответ на это 21 марта чтение лекций было прекращено, вход в университет запрещен, а в помещения нижнего этажа введены жандармы и полицейские. 81 человек был отдан под суд, из них 13 студентов исключены без права поступления в любое высшее учебное заведение, некоторые исключались с лишением прав на поступление в Петербургский университет, многие подвергались исключению на год, аресту на 70 дней и выговору.

Больше всего пострадали студенты физико-математического и юридического факультетов, где преобладали вольнослушатели и малообеспеченные студенты.

19 марта 1869 г. начались волнения в Технологическом институте. Собравшиеся в рекреационном зале более 200 человек потребовали директора, чтобы вручить ему коллективное прошение. Попытка полиции удержать студентов оказалась безуспешной. Институт был окружен конной жандармерией. 20 марта студенты собрались вновь. В сопровождении полицейских к ним вышел директор Ломанский. Студенты вручили ему прошение, в котором говорилось о несоответствии теоретического образования с практическими занятиями, об отсутствии уважения личности учащихся со стороны начальства, о распределении пособий без участия студентов и выдвигались требования разрешить сходки и учредить кассу²⁰. 21 марта сходки продолжались. В тот же день конференция института (совет при учебном заведении с постоянными административными функциями) постановила исключить 7 активных участников волнений. Тогда технологи подали новое прошение, в котором требовали исключить всех студентов или никого. В ответ на это последовало временное прекращение лекций. Аресты продолжались некоторые студенты находились уже в пересыльной тюрьме. Однако, несмотря на это, молодежь была полна решимости. «Невзирая на жертвы и лишения, — писали студенты, — доведем до конца свое дело»²¹.

Важно подчеркнуть, что в требованиях студентов Технологического института ясно прозвучал протест против и наступления

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отдел., III экспед., № 112, ч. III, л. 260.

¹⁵ С. Чудновский. Указ. соч., стр. 15.

¹⁶ Подробнее см.: П. С. Ткаченко. Студенчество Медицинской академии в общественном движении 60-х годов XIX века. «Советское здравоохранение», 1974, № 1.

¹⁷ Ленинградский областной исторический архив, ф. 339, переписка, оп. 1, № 31, л. 124.

¹⁸ С. Сватиков. Указ. соч., стр. 199. О сходках в Петербургском университете в январе — феврале см.: донесения в III отделение (ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, № 1518, лл. 1—7); «Дневник А. В. Никитенко». Т. III М. 1956, стр. 147; ЦГАОР СССР, ф. III отдел., III экспед., № 109, д. 44, ч. 1. л. 15.

¹⁹ С. Сватиков. Указ. соч., стр. 201.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. III отдел., III экспед., № 109, д. 44, ч. I, лл. 22—23.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 286, переписка, л. 99.

реакции на студенческие права и всей системы обучения.

Какое же влияние оказало студенческое движение 1869 г. в столице на другие университеты? Волнения начались и в Московском университете, центром их стал медицинский факультет, затем они распространились на филологический, юридический и математический факультеты. В требованиях, выдвинутых медиками, говорилось и о равноправии женщин (данный вопрос впервые был включен в число студенческих требований)²². На сходах, состоявшихся в Московском университете с 23 по 27 марта 1869 г., были выдвинуты те же требования, что и в Петербурге (право сходов, открытие студенческой библиотеки, собственной студенческой и вспомогательной касс и право самим распоряжаться распределением стипендий). 17 октября 1869 г. в Московском университете произошли волнения студентов 4-го курса медицинского факультета, получившие наименование «полунинской истории». За отказ посещать недостаточно квалифицированные лекции проф. А. И. Полунина 20 студентов были исключены из университета, в их числе видные впоследствии участники русской эмиграции В. А. Гольдштейн, В. А. Смирнов, А. С. Бутурлин, А. Л. Эльсниц²³.

Известия о выступлениях петербургских и московских студентов быстро распространились в других городах как с помощью прокламаций, так и через посланных депутатов столичных университетов и исключенных студентов. «Студенты, выгнанные из университетов и академий, высланные из Петербурга и Москвы,—говорил А. И. Герцен,—рассеиваются по разным городам»²⁴. Многие участники выступлений в столичных учебных заведениях, оказавшись в провинции, активно включались там в движение учащейся молодежи.

В начале 1869 г. студенты, уволенные за «беспорядки» из Петербургского университета и Медико-хирургической академии,

стали поступать в Киевский университет. Поэтому не удивительно, что требования киевских и петербургских студентов совпали (учреждение касс взаимопомощи, разрешение схода в стенах учебных заведений, освобождение от платы за лекции). Здесь рассчитывали «на успех требований при всеобщей подаче голосов всего учащегося сословия»²⁵. В конце февраля 1869 г. в Киев приезжал видный участник движения студент Петербургского университета Иван Горизонтов²⁶. В донесении киевского генерал-губернатора говорилось: «Студенты университета св. Владимира имели сходки для совещаний об учреждении своей кассы и что сюда (в Киев.— П. Т.) приезжал студент из Петербургского университета в качестве депутата»²⁷. Во всеподданнейшем отчете III отделения отмечалось, что депутаты из Петербурга выехали в Москву, Казань, Харьков и Дерпт, что учение нигилизма превратилось в «политическую и нравственную гангрену»²⁸.

События в Петербурге оказали влияние и на студентов Харьковского университета. «По получении в Харькове известий о беспорядках, происходивших в Медико-хирургической академии, в Технологическом и Земледельческом институтах, харьковские студенты, подстрекаемые примером этих заведений, начали еще более проявлять вредное направление»²⁹,— доносил губернатор Дурново. В Харьков приезжали два студента Петербургского университета и два — Медицинской академии. В донесениях губернатора и во всеподданнейшем докладе министра внутренних дел говорилось, что «беспорядки» не случайное явление, а следствие действий партии, «руководимой двумя-тремя студентами»³⁰. «Зачинщиками» назывались студенты Петр Линтварев, Платон Громов («пишущий пасквильные статьи в журналы и газеты и замечен в распространении антиправительственных мнений»), а также отставной губернский секретарь Н. Мечников («неблагонадежен в политическом отношении») ³¹. Кроме того, в донесении говорилось о содержателе

²² ЦГА г. Москвы, ф. 46, оп. 1, № 845, л. 32.

²³ Подробнее см.: донесение ректора С. Баршева «О беспорядках, бывших в Московском университете на 4 курсе медицинского факультета». «Архив судебной медицины и общественной гигиены», 1869, № 4 (ранее напечатано в «Правительственном вестнике», № 262); Н. Белоголовый. Клинический профессор Полунина. «Архив судебной медицины и общественной гигиены», 1869, № 4; И. А. Пионтиковский и А. И. Полунина. М. 1949.

²⁴ «Новое о Герцене».

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, № 1165, 1869, л. 6.

²⁶ Там же, ф. III отдел., III экспед., № 109, д. 44, ч. I, л. 175.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, ф. 109, оп. 83, № 34, л. 11.

²⁹ Там же, ф. III отдел., III экспед., № 109, д. 44, ч. I, л. 137.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 286, л. 47.

³¹ Там же, л. 51.

книжного магазина и библиотеки Зелинском. В его библиотеке «под видом чтения журналов рассуждали о студенческих делах», в ней «распространяются антиправительственные и антирелигиозные издания»³². Упоминались также бывший студент Петербургского университета, состоявший под надзором полиции по делу о русской читальне в Гейдельберге, Н. Л. Владимиров и кандидат физико-химических наук А. А. Кириллов, который оказал «самое неблагоприятное влияние на молодежь и вообще отличался вредным противоправительственным направлением». Последний в июне 1869 г. был выслан под надзор полиции в Вологодскую губернию³³.

25 марта в Харькове произошли «уличные беспорядки», во время которых студенты оказали сопротивление полиции и оскорбили полковника Литвинова, назвав «носимый им мундир позорным». За это трое «зачинщиков» были исключены из университета. 3 апреля в городе распространялась прокламация «К обществу», написанная от имени петербургских студентов. В ней выдвигались следующие требования: право иметь кассу, право сходак, снятие университетской опеки. В заключение говорилось: «Протест наш тверд и единодушен, и мы скорее готовы задохнуться в ссылке и казематах, нежели задыхаться и нравственно уродоваться в наших академиях и университетах»³⁴. Прокламация появилась как раз в то время, когда от тайных собраний на частных квартирах студенты перешли к открытому протесту и начали проводить сходки в высших учебных заведениях.

В Новороссийском университете в Одессе происходили сходки на частных квартирах. Студентами была организована общая касса. К концу 1869 г. в Новороссийском университете появляется «Народное дело», № 2—3 за октябрь 1868 года³⁵. Однако открытых выступлений здесь не произошло, так как администрация воздержалась от массовых арестов, всегда возбуждающих протест и возмущение.

Все эти факты свидетельствуют о том, что волнения студентов провинциальных

университетов мало чем отличались от движения в столичных учебных заведениях. Несмотря на то, что часть студенчества была еще политически инертной и неустойчивой, урок, преподанный столичным студенчеством, принес свои плоды. По мере роста движения его характерными чертами становились консолидация сил, развитие солидарности студентов разных городов. Сходки, по свидетельству В. Засулич, «должны были удовлетворить реальную действительную потребность в движении, в общественной жизни»³⁶.

О настроениях студентов в этот период можно судить по перлюстрированным письмам участников студенческих сходов и на основании показаний арестованных. Так, член киевской студенческой кассы С. Марьяшес, арестованный в Одессе 18 декабря 1869 г., заявил, что в их кружке было решено заняться чтением политэкономии Д. С. Милля и «Народного дела»³⁷. Спрос на «Очерки из политической экономии» по Миллю, вошедшие в четвертый том сочинений Н. Г. Чернышевского (женевское издание), «был так велик, что скоро их нельзя было найти ни у одного букиниста... все было раскуплено»³⁸. И это не случайно. «В политико-экономических и публицистических статьях Чернышевского,— отмечал П. Л. Лавров,— экономический элемент социализма, как критика буржуазной экономики, выступил совершенно определенно»³⁹. Студент Киевского университета Е. Шостак писал, что теперешнее движение успело сблизить студентов, убеждения многих выяснились, и дальнейшее движение, быть может, увенчается успехом⁴⁰. Об этом говорил студент того же университета В. Леонтович⁴¹. В письме революционно настроенного студента Петербургского университета Н. Васильева (27 февраля 1869 г.) «неуважительно и со злобою» говорилось об Александре II и высказывалось пожелание «поселиться в деревне и стать в ряды народной силы, которая должна организовать и сломить ложь и наси-

³⁶ В. Засулич. Указ. соч., стр. 21.

³⁷ См. Б. П. Козьмин. К истории нечаевского процесса. Донесения и письма Н. Д. Горемыкина. «Красный Архив». Т. 6. 1931, стр. 159.

³⁸ «Революционное народничество 70-х годов XIX в.». Т. 1. М. 1964, стр. 209.

³⁹ П. Л. Лавров. Народники — пропандисты. Л. 1925, стр. 15.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, № 1165, л. 7.

⁴¹ Там же, л. 5.

³² Там же, л. 47.

³³ Там же, л. 61. См. библиографический словарь «Деятели революционного движения в России». Т. 1, ч. 2. М. 1928, стб. 166.

³⁴ С. Сватиков. Указ. соч., стр. 207.

³⁵ См. Б. Итенберг. Первый Интернационал и революционная Россия. М. 1964, стр. 63—64.

лие»⁴². «Подобные личности,— отмечал министр просвещения Д. А. Толстой,— сущая язва для университетов — будучи сами испорчены — они губят и других»⁴³.

Таким образом, студенческое движение 1868—1869 гг., хотя и носило в основном академический характер, находилось в прямой связи с общественно-политической жизнью России, которая порождала и стимулировала это движение. Выступления учащейся молодежи не утратили стихийности, они сочетали в себе и активные и пассивные формы протеста. Однако многочисленные сходки и сопутствовавшие им волнения 1868—1869 гг. стали толчком для последующих выступлений. Именно в этой связи В. И. Ленин писал: «И маленькое начало маленьких академических конфликтов есть большое начало, ибо за ним — не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра — последуют большие продолжения»⁴⁴. В эти годы борьба студенчества за свои права зачастую дополнялась разными формами политического протеста, а иногда перерастала в борьбу за политическую свободу. Процесс перехода студенческого движения от чисто академических требований к политическим протестам весьма сложен и его не всегда удается выявить. Лишь с увеличением общественного недовольства, с превращением студенческого движения в часть широкого демократического движения этот процесс стал развиваться вглубь и вширь.

⁴² Там же, ф. III отдел., III экспед., № 107, 1869, л. 37.

⁴³ Там же, л. 46.

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 220.

Студенческие волнения 1868—1869 гг. опирались на революционные традиции демократического подъема конца 50-х — начала 60-х годов XIX века⁴⁵. Но они имели свои особенности. В эти годы происходит размежевание студентов на два течения — на убежденных сторонников академической и политической форм борьбы. Иными становились масштабы движения — оно охватывает учебные заведения не только столицы, но и других городов. Характер самого движения действительно диктует необходимость союзов, общей солидарности «учащегося сословия». Н. П. Огарев отмечал, что, «несмотря на то, что в России закрывают учебные заведения и академии и подчиняют их военному ведомству, недовольное юношество соединится с народом, что доказал на деле 1869 год»⁴⁶. Именно в этой связи А. И. Герцен писал: «В России теперь сильнейшее общественное движение и особенно среди молодежи»⁴⁷. Как раз в то время «Отечественные записки», «Неделя» и «Дело» заговорили в полный голос о крестьянском и студенческом движениях. Студенческие волнения конца 60-х годов XIX в. вливались в общий поток народнического движения на новой стадии его развития, составляя важную органическую часть разночинского этапа революционного движения в России.

П. С. Ткаченко

⁴⁵ Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М. 1961, стр. 355.

⁴⁶ «Литературное наследство». М. 1947, стр. 127.

⁴⁷ «Новое о Герцене».